

ВВЕРХ
ЧЕРЕЗ
РАДУГУ

Тузырев Сергей

0+

Сергей Пузырев
Вверх через радугу

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пузырев С.

Вверх через радугу / С. Пузырев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Своенравная, вредная, но впечатлительная и добрая девочка Оля встречает необычную незнакомку, которая, несмотря на почтенный возраст, не побоялась забраться на самую верхушку дерева. Знакомство оборачивается неожиданным последствием, выход из которого главная героиня вынуждена искать. Она отправляется в путешествие по неизведанной волшебной стране, наполненной говорящими деревьями, большими черепахами, вечно занятыми небесными звездами, русалками и духами-фонариками. В своем путешествии девочка станет мудрее, найдет новых друзей, а также спасет поселение лягушек от грозящей им опасности.

Содержание

Правила приличия приличного общества	5
Большой Ужасный Мудрый Филин	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Пузырев

Вверх через радугу

Правила приличия приличного общества

Безмятежную тишину погожего летнего дня нарушил громкий стук входной двери. Маленькая девочка с двумя косичками и большими солнечными очками выбежала из дома, сильно размахивая руками. Ее маленький курносый носик, казалось, вытянулся вверх еще сильнее.

– Вот еще! – бурчала она себе под нос, пробегая под кронами плакучих ив. – И ничего я не маленькая! – она остановилась возле бирюзового пруда и посмотрела на свое дрожащее рыбью отражение. – Не буду есть кашу – не вырасту?! Тоже мне! Кто это только придумал?! И вообще каши – не вкусные! – она вертелась словно стрекоза, рассматривая, как порхает ее желтое платье на ветру. – Мне бы сейчас пирожное... или лимонный пирог. И все-таки, какая я невозможно миленькая. Правда, ивушка?

Но ивы стояли, молча, лишь иногда покачивая своими кронами в знак согласия с девочкой.

Пруд сверкал на солнце, словно зеркало. Где-то в изумрудных камышах кричали утки, а у самого берега плескалась рыба. Девочка села под самой большой ивой, что росла на краю берега и жадно тянула ветви к воде, клоня их до самой ее кромки. Где-то в кроне дерева мелькали черные крылья сорок, и девочка, откинувшись, стала размышлять об этих птицах. А, ведь, в самом деле, птицы довольно странные, решила она для себя. Почему они черно-белые? Куда занятнее было бы примерить более цветастое оперение. Почему бы какому-нибудь ученому не заняться вопросом столь грустного оперения птиц. Если бы все в этом мире было ярким и цветным, как ее платье, все были бы куда добрее, к примеру, как она. И кашу уж точно никто не заставил бы ее есть. За этими мечтами она и не заметила, как сверху, с самой макушки ивы, на нее свалился перевязанный красным бархатом сверток.

– Прости, дорогуша, – послышался тоненький, но громкий голосок сверху. – Не будешь ли так любезна, не подашь ли мне конверт?

Девочка, весьма ошарашенная случившимся, никак не могла понять, кто к ней обращается и откуда вообще свалился этот сверток. Она долго вглядывалась в зеленые заросли кроны дерева, пока не увидела маленькую старушку, одетую во все красное и с таким же красным пушистым пером на шляпке, обрамляющей седые кучеряшки.

– Милочка, попрошу тебя поспешить, – голос старушки был так высок, что казалось она вот-вот перейдет на писк. – У нас, пожилых леди, не так много времени на размышление молодых. Да и радуга скоро будет возвращаться назад! Давай-ка поторапливайся!

Девочка, отчетливо помнила, что разговаривать с незнакомцами на улице опасно и крайне неблагонадежно. Но что делать, если эта незнакомка сидит на дереве и так настойчиво просит ее подняться к себе? С другой стороны, ей совершенно не обязательно разговаривать с ней, а значит ничего страшного, если она поднимется наверх, не случится.

Старушка сидела, сложа руки на коленях, лишь иногда перебирая пальцами, и пристально смотрела вдаль. Ее вид был так безмятежен, что, казалось, она вот так и просидела тут всю свою жизнь. Ветер играл с ее пером и кудряшками, раздувая их в разные стороны, но это совершенно не портило общего вида. Увидев девочку, поднимающуюся к ней, она радостно кинулась к той с объятиями, чем заставила содрогнуться и без того хлипкую ветку дерева.

– Спасибо, милый птенчик, – защebetала старушка. – Ты не представляешь, как сильно я тебе благодарна! Я ведь жутко боюсь низоты! Тут на верхушке дерева такая свобода! А там!

Бррр, жуткая жуть! – она щебетала так легко и непринужденно, будто знала девочку много-много лет. – Ах, дорогуша, я так рада, что повстречала такого цыпленочка как ты! Ведь, если бы ты не подала мне мой конвертик, то я не осмелилась бы спуститься вниз, а если бы осмелилась, то пропустила бы радугу. Ты такая умница!

Девочка до того, давшее слово не разговаривать с незнакомкой, держалась из последних сил. Она могла стерпеть сравнение с цыпленком, но поскольку она была воспитанной девочкой, ей пришлось нарушить клятву и на похвалу старушки, уверенно встав на ветку, выпрямившись и с высоко поднятой головой, она ответила:

– Спасибо! – и снова плюхнулась на ветку, сжавшись всеми силами в нее.

И раз уж клятва была нарушена, то сдерживать себя она больше не видела смысла.

– А кто вы такая? – поинтересовалась она.

Старушка, которая до того приветливо улыбалась девочке, резко стало серьезной и, вздернув головой свое красное перо, строго ответила:

– В приличном обществе не принято вот так бесцеремонно спрашивать у весьма пожилой дамы кто она, при этом, не представившись первой!

Девочка, покраснев, как платье собеседницы, склонила голову и тихо извинилась. Старушка тут же сменила гнев на милость и снова весело продолжила щебетать:

– Это и не удивительно, что столь маленький цыпленочек, не знает правил приличия приличного общества. Но я не буду красной колдуньей клубничного парфе, если не обучу тебя им! Давай, внимай и повторяй за мной! Итак, для начала нужно встать во всей своей красе, – и старушка, подпрыгнув на ветке, взлетела на мыски и выгнулась, словно жердь. – Затем, ты низко–низко кланяешься собеседнику, так, чтобы твой маленький чудесный носик, достал мысиков твоих туфель, и громко и четко представляешься. Ну-ка, цыпленок, попробуй!

Девочка, не особо любившая высоту и ветки, которые то и дело норовили выскользнуть из–под ее ног, повинувшись распоряжениям старушки, попыталась проделать все то же, что и она. Но если выгнуться ей еще как-то удалось, то вот достать мыски своих туфелек не получилось, тем не менее, она громко и четко представилась:

– Меня зовут Оля и я совсем не цыпленок!

– А кто же ты тогда? – удивилась пожилая дама. – Возможно кукушонок? Птенчик отвечай же скорее! Не стоит держать меня в неведении.

– И вовсе я не птенчик. Я обычная девочка, – растерянно ответила Оля.

– Хм, удивительное создание, – старушка прищурилась и наклонилась поближе, чтобы рассмотреть девочку, – И правда на цыпленка не очень похожа, – бормотала она себе под нос, продолжая стоять на мысочках. – Но как бы там ни было, ты очень смелая и благовоспитанная, а это в наш век не так часто встретишь. Грушевый штрудель мне на тарелку! Распинаюсь о воспитании, а сама так и не представилась, – старушка надула щеки, обиженная сама на себя, и, взмахнув головой, низко нагнувшись, громко представилась. – Мадам Клубничное Парфе, Красная колдунья Подрадужного подгородка. Но тебе, как моей спасительнице, я разрешаю называть меня просто Мадам Парфе. Кстати о парфе, сегодня я собираюсь устроить званый ужин, и тебе, птенчик, там будут рады. Ты спасла этот чудесный урожай вкуснейшей клубники, – Мадам Парфе вертела свой бархатный сверток и, принохаясь, забавно шмыгала носом. – Так что приходи, не стесняйся!

Более странных незнакомок Оля еще не видела. С одной стороны, ее воспитанность не позволяла прямо заявить, что Мадам Парфе кажется сумасшедшей. Но с другой стороны, старушка казалась весьма забавной и безобидной, поэтому приглашение на ужин, где наверняка будет клубничное парфе, а не безвкусная каша, показалось ей вполне безобидным, а особо поразмыслив так еще и аппетитным. Согласившись с этим, девочка мило улыбнулась в знак почтения и согласия с пожилой леди. Оставался лишь один вопрос.

– Мадам Парфе, а где находится этот ваш Подрадужный подгородок? В наших местах я о таком не слышала! Куда мне прийти на ужин? – Оля, говорила осторожно, боясь прослыть сущей незнайкой, коей она, разумеется, не являлась.

– Глупый вопрос, дитя, – старушка снова прищурилась, но улыбнувшись и схватив девочку за нос, ответила, – разумеется, под радугой. Кстати о ней! Уже проплыло 47 облако, а она все запаздывает, – Мадам Парфе растерянно потрясла головой, от чего перо в ее волосах весело подпрыгивало с места на место, словно наездник. – Вот уж невоспитанное создание!

Оля, до сих пор крепко держащая ветку, на которой сидела, снова привстала и вместе с пожилой дамой, осмотрела окрестности, но вокруг не было ни намека на радугу, тем более в такой погожий денек.

Но вот вдалеке что-то мелькнуло, и Мадам Парфе оживилась и, запрыгав на ветке, захлопала в ладоши.

– Так, так, так, дитя. А ну-ка приготовься. Радуга возвращается назад очень быстро и нам, чтобы успеть сесть на нее и вернуться обратно, нужно быть крайне внимательными, – старушка собрала все свои вязаночки и присела на корточки, готовясь к прыжку. – По моей команде будь готова прыгать!

– Но куда? – взволнованно спросила Оля.

– Как куда? – удивленно засмеялась старушка. – Вверх, через радугу!

Прыжок! И разноцветные кусочки радуги разлетелись в разные стороны.

– Хватай ртом и ешь их! – кричала Мадам Парфе, смачно пережевывая кусочки радуги.

Оля поймала один голубой кусочек и тут же поморщила свой маленький носик. Кусочек оказался холодным и безвкусным кусочком льда. Тут же выплюнув его, она огляделась по сторонам, чтобы понять, где находится, но огромные пористые облака, словно сладкая вата заграждали ей всякий обзор. Мадам Парфе безмятежно парила в воздухе, что-то пережевывая и расплываясь в блаженной улыбке каждые минуту. Отчего-то она вдруг стала очень серьезной, подлетев к Оле, она, схватив ее за руку, крикнула:

– Идем на снижение! – и, сглотнув последнее, что она так тщательно пережевывала, камнем бросилась вниз.

Оле казалось, что они вот-вот должны врезаться в землю, но облака никак не кончались. Они, мягкие и пушистые, мягко цеплялись за нее, словно немного останавливая и замедляя падение. Ее косички бились друг об дружку, ленточки вылетели и вот уже распущенные волосы трепались под силой падения.

Они вылетели из облаков, когда солнце уже садилось за горизонт. Перед взором девочки открылся маленький пестрый городок, который был наполнен широкой палитрой красок. Но странными в этом городе были дома: высокие небоскребики, словно башни, сложенные из разных по форме, стилю и цвету кубики.

Мадам Парфе радостно пищала. Вылетая из облаков, они произвели много шума, и теперь маленькие жительницы города выбегали на улицу, чтобы узнать, что же такого произошло. Приглядевшись, Оля увидела, что все жительницы этого чудного города сплошь старушки, под стать Мадам Парфе, и все абсолютно в разных цветах.

– Итак, дорогуша! Времени зевать у нас нет! Вон, видишь спиральную трубу? – обратилась к девочке старушка. – Туда и нужно попасть!

Небольшая труба с отверстием не больше, чем канализационный люк, была высотой не ниже, чем местные дома. Первой в дыру нырнула старушка, отпустив Олю, и тут же спряталась за резким поворотом. Ольга закрыла глаза и, поджав под себя ножки, храбро плюхнулась вглубь. Ее заносило на резких поворотах и трепало из стороны в сторону, пока она с облегчением не увидела свет в конце трубы. Но не успела она подумать о том, как будет приземляться, как уже сидела на земле в окружении десятка милых старушек.

– Какой цыпленочек! – пищала одна из старушек в зеленом.

– Да не цыпленочек я! – бурчала Оля себе под нос, пытаясь встать на ноги.

– А миленькая какая! – вторила даме в зеленом, та, что была в фиолетовом. – Локоны какие! Словно у куколки. Ну, точно ежевичный пирожок!

– Локоны? – удивилась девочка и запустила руки себе в голову.

Оказалось, что пока она кружила в поворотах трубы, у нее закрутились локоны, а в дополнение к ее желтому платью добавилось несколько белых пышных юбок. И теперь, глядя на свое отражение в окне ближайшего дома, Оля поняла, что возможно и, правда, выглядит, как цыпленок.

– Так, дамы! Прошу всеобщего внимания! – Мадам Парфе заслонила собой девочку и обратилась насколько это было возможно грозно к набегавшей толпе разноцветных старушек. – Эта девочка Оля! Моя спасительница и лучшая подруга! И поэтому сегодня без трех минут одиннадцать я собираю званый ужин в ее честь. Будьте добры без опозданий! – она схватила девочку и под всеобщее улюлюкание повела ее прочь от этой толпы.

– Ты прости их, мой птенчик, – ласково обратилась она к Ольге, – в нашем городе гости появляются не так часто, как новые рецепты сладостей. А такие миленькие, как ты, и подавно. Итак, приглашение я всем сделала, а это значит, что у нас с тобой полным-полно работы! Столько нужно приготовить!

– И что же мы будем готовить? – поинтересовалась Оля.

– Клубничное парфе, разумеется! – бодро ответила ей старушка.

Мадам и Оля шли по главной улице города. Это была широкая аллея, усаженная цветущими липами. Окна в разноцветных небоскребах были открыты, и из каждого доносился неповторимый запах готовки. То и дело из окна выглядывала какая-нибудь старушка и приветствовала гостью, зовя ее на ужин.

– Вон та, что в желтом, Мадам Медовый Бисквит, – Мадам Парфе считала своим долгом познакомить Ольгу с каждой ведьмой города. – Она желтая ведьма. Еще из «желтых» вон та! – она ткнула пальцем в маленькую и пухлую старушку, которая старательно трясла какие-то тряпки из окна своего дома. – Это Мадам Лимонный Пирог. А вон та, – Мадам сощурила глаза и стиснула губы, уставившись на миловидную старушку в зеленом пышном платье, качающуюся на качелях под одной из лип, – Мадам Грушевый Штрудель. Она на все званые ужины приносит свои штрудели, которые без лишней ложки сахара есть невозможно.

– О, Клубничное Парфе! Доброго тебе вечера! – весело поприветствовала их Мадам Штрудель, но Мадам Парфе лишь, задрав голову, как можно выше прошла мимо нее, сделав вид, что не заметила.

Ольга же подумала, что будет некрасиво не ответить ей и вежливо помахала старушке в ответ.

Время званого ужина приближалось и вот, наконец, справившись со всеми делами, Мадам Парфе распахнула двери своего домика, который находился на самой вершине одного из небоскребов, для многочисленных гостей. Весь вечер и ночь старушки ели сладости и пили соки, играли в карты и в разные игры, не забывая при этом про маленькую гостью. К концу этого пира они уже все называли девочку своей подругой и предлагали остаться жить у них.

Утро настало незаметно. Солнечные лучики, пробиваясь сквозь занавеску, нежно прикоснулись Олиных глаз, разбудив ее. Девочка встала с мягкой кровати и услышала тихое пение. Это была Мадам Парфе, которая, пританцовывая, порхала по дому. Она одновременно мыла тарелки и протирала пыль, заваривала чай и трясла половики в окно.

– Доброе утро, милочка! – все так же радостно пропела она, проходя мимо Оли. – Не хотела тебя будить! Ты так мило спала, ну словно куколка.

– Значит, это был не сон, – тихо произнесла Оля. Она растерянно посмотрела на свое пышное желтое платье на свои кудряшки, которые со вчерашнего вечера ничуть не изменились,

и тут ей подумалось, что возможно, дома ее все обыскались и, скорее всего, мама очень сильно за нее волнуется.

– Мадам Парфе, а когда радуга полетит обратно? – обратилась она к старушке, на ходу надевая туфли, направляясь к выходу.

– Ох, деточка, можешь не волноваться и не спешить, радуга теперь вернется через несколько десятилетий! – она все также радостно продолжала напевать себе под нос.

– Как через несколько десятилетий? – Оля от неожиданности упала на пол. – То есть я успею состариться тут? – на глаза ребенка накатились слезы.

– Не волнуйся, милый цыпленочек! Посмотри на меня, я живу тут уже не одну сотню лет и все так же хороша, как и в первый день своего появления на свет! – Мадам Парфе подошла к девочке, и, присев на корточки, утерла той глазки. – Но, если тебе и правда нужно срочно возвращаться, то есть еще один способ вернуться! Но очень экстремальный, – старушка, вновь вскочила на ножки, и, пританцовывая, продолжила протирать пыль.

– Мадам Парфе! – Оля вскочила вслед за ней. – Прошу Вас, расскажите мне про него! Мне никак, никак нельзя оставаться здесь!

– Ну же, Оля, почувствуй ритм! Кружись! – Мадам Парфе подхватила девочку, и закружила ее в танце. – Кружись! Кружись! Кружись! – приговаривала она, пока девочка, словно юла кружилась посередине комнатки.

– Все! Нет больше сил! – уставшая Оля, упала в мягкое, обитое рюшами кресло и ей вновь вспомнились родные, которые по ее разумению уже обратились в полицию. Она представила, как по городу расклеили ее фотографии. С грустью подумав, что скорее всего, для этих целей мама возьмет ту фотографию, где на Оле надет фиолетовый чепец, а щеку раздуло из-за укуса пчелы. И это увидят все жители их небольшого города! От этих мыслей, ей опять захотелось плакать.

– Странно, – начала Мадам Парфе, усевшись рядом с девочкой, – в прошлом году, Мадам Черничный Маффин, так сильно кружилась, что волчком улетела в небо. Почему не вышло в этот раз, ума не приложу.

– Мама, наверное, опять сварила невкусную кашу, – прихлупывала Оля. – Хотя, если нет меня, то и кашу больше некому варить.

– Так хватит! Приличные леди в приличном обществе не киснут! А я, чтобы ты знала, отношу себя к числу приличного общества! – Мадам Парфе подхватила девочку за руку и потащила за собой.

Большой Ужасный Мудрый Филин

Они вышли на улицу и зашагали по залитой солнцем аллее из лип в сторону маленького здания с большим золотым шпилем.

«Видимо, такое обилие солнечного света обеспечивает этот шпиль» – подумалось Оле.

А раз этот шпиль такой важный, значит, и жить в доме должен не кто-нибудь, а очень важный человек. Или ведьма.

Они подошли к маленькой узенькой дверце, и Мадам Парфе нажала на звонок.

– Дай-ка я на тебя посмотрю, – старушка обернулась и начала поправлять края Олиной юбки. Откуда-то сзади, раздалось приветствие Мадам Грушевый Штрудель, но Мадам Парфе лишь отмахнулась от нее в очередной раз. – Ой, цыпленочек! Я так виновата перед тобой. Но если кто и сможет тебе помочь, то только Старый Филин. Он живет достаточно долго на этом свете, и, кажется, успел побывать и на том. Поэтому он очень умный. Только не очень любит ведьм. И цыплят...

– Но я не цыпленок! – возразила ей Оля.

– Не имеет значения. Старый Филин не любит никого! Он постоянно ворчит и ругается на всех. Ему не нравятся наши званые завтраки, а также обеды и ужины. Он настолько суров, что его боятся все в нашем городке, – закончила она как раз в тот момент, когда за спиной со скрипом отворилась дверь, и два больших желтых глаза, словно фары, выглянули из темноты.

Оля и Мадам Парфе, которая от волнения стала перебирать рюши на своей пышной красной юбке, стояли, не проронив ни слова. Желтые глаза не моргая, продолжали буравить пришедших.

– Заходите же! – с явным раздражением буркнул Филин, высунув свою голову из-за двери.

К Олиному удивлению, он был не таким уж и страшным и даже очень милым, словно пушистый котенок, но только с клювом. Воображение девочки уже готово было разыграться, но она собрала всю свою серьезность, которую только могла собрать, и шагнула в дверной проем.

– Иди, иди, милочка, – второпях пролепетала Мадам Парфе. – А я, пожалуй, подожду тебя в тени вон той раскидистой липы, – сказала она разворачиваясь.

– Кхм-Кхм, – Филин все стоял в дверном проеме. – И Вы тоже!

– Ох! – взволнованно пробормотала Мадам Парфе. – Ну, хорошо.

Внутреннее убранство домика Филина оказалось куда более привычным для Оли. Отсутствие ярких красок, которыми был переполнен городок, к ее удивлению, действовали на нее расслабляюще, и она абсолютно бесцеремонно, что она прекрасно понимала, будучи воспитанным ребенком, упала в самое ближайшее кресло. Оно было очень большим и выделялось на общем фоне предметов в комнате, поэтому девочка смогла поместиться в нем полностью, расположившись на нескольких подушках, лежавших там. От увиденного глаза Филина, казалось, стали еще больше, а бедная Мадам Парфе причитая что-то о приличном обществе, еле устояла на ногах, чтобы не упасть в обморок. Тем не менее, Филин ничего не сказал, видимо, подумалось Ольге, из уважения к гостье, что ее очень обрадовало, потому что кресло оказалось очень удобным, и слезать с него она была пока не готова.

– Итак, – наконец заговорил Филин, отвернувшись от своих гостей, – я слушаю вас.

– Дорогой, мудрый Филин, – начала Мадам Парфе, хватая воздух ртом, – не могли бы Вы с присущей Вам рассудительностью, со всем вашим багажом знаний накопленных за многие, многие десятилетия...

– Помогите мне вернуться домой! – перебила ее Оля, за что сразу же себя укорила. Но Мадам Парфе, зайдя в дом Филина, вдруг размякла, и из клубничного парфе превратилась в ту самую невкусную кашу, от которой, призналась она сама себе, впрочем, бы не отказалась.

– Не хорошо маленьким цыплятам перебивать старших, – Филин развернул свою голову на 180 градусов и теперь его большие желтые глаза были уставлены на Олю.

– Простите меня, – тихо произнесла девочка, опустив голову. – Просто я очень–очень хочу домой.

Мадам Парфе, находящаяся до того в предобморочном состоянии, вдруг ожила, присела на кресло и обняла девочку.

– Нам нужна Ваша помощь, Мудрый Филин, – она, наконец, переборола свой страх, и говорила с такой серьезностью в голосе, что даже Филин, казалось, был удивлен.

Только сейчас, привыкнув к темноте, царившей в домике Филина, Оля смогла рассмотреть внутреннее убранство, которое оказалось очень милым и по-домашнему уютным. Здесь было много шкафов и полок, полностью заставленных книгами.

– Значит Вы, госпожа красная ведьма Мадам Клубничное Парфе, согласны с тем фактом, что совершили огромную глупость, прихватив это милейшее создание в наш мир? – продолжал Филин, значительно смягчив голос, при этом надев на свой маленький клювик такие же маленькие очки.

– Согласна, – понурив голову, призналась Мадам Парфе.

– Нет же! Мадам Парфе ни в чем не виновата! – Оля не смогла промолчать.

Для большего убеждения она встала на ноги и теперь с учетом высоты кресла возвышалась и над старушкой, и над Филином. – Мадам Парфе – леди из приличного общества, поэтому ее приглашение на ужин явилось ответной мерой на мою безвозмездную помощь. Если кто и виноват в сложившейся ситуации, так только я! – Оля снова села, потому что вспомнила, что не сняла туфельки, а стоять на мебели в уличной обуви явно признак дурного тона. – Простите, – на всякий случай сказала она, но Филин даже не смотрел в ее сторону. Он подошел к большому бардовому столу, открыл ящик, и, пытаясь что-то найти, шуршал бумагами.

– Вам должно быть уже сообщили, – начал он, не отрываясь от своего занятия, – что радуга, на которой вы сюда прибыли, вернется еще очень нескоро. А значит, с Вашим возвращением домой, могут возникнуть трудности, но...

– Но что? – переспросила Мадам Парфе, которая, похоже, снова начинала чувствовать себя неуверенно в жилище Старого Филина.

– Но это все поправимо, – закончил мысль Филин.

– Дядюшка Филин, – не сдержав радости, Оля соскочила с кресла и вмиг заключила это маленькое создания в объятия (насколько ей хватило длины рук, разумеется). – Я буду Вам очень признательна. А где же мои манеры? – сказав это, девочка выгнулась, как струна, затем с легкостью наклонилась, да так удачно, что смогла достать носом до мысиков туфель (мысленно поблагодарив за это твердый пол) и представилась. – Меня зовут Оля... И я совсем не цыпленок!

– Ох, милая! – сидящая в кресле Мадам Парфе и утирающая слезы умиления, увидев такое прекрасное исполнение своих уроков, воссияла, словно первая звезда на темном небе.

– Очень приятно, – мягко ответил на вежливость девочки Филин. – Я рад видеть в этом захолустье такую воспитанную юную особу. Хотя, скрывать не буду, я был против твоего появления у нас. Знал, к каким серьезным проблемам все это приведет, – закончил он говорить и строго посмотрел на Мадам Парфе.

– Простите, – робко произнесла та и отвела взгляд, сделав вид, что только сейчас ее вдруг увлекло собрание сочинений достопочтенных авторов птичьих наук. Оля, которая для своих лет была чрезвычайно сообразительной девочкой (по ее собственному умозаключению) заметила это странное поведение Мадам и слегка хихикнула.

– Вы, должно быть, уже слышали истории о том, какой я злобный, строгий, ворчливый... – вновь начал Филин.

– Неприветливый, – перебила его Мадам Парфе, причем сделала она это настолько непри-
нужденно, что, словно, и не заметила собственной невоспитанности (о чем, естественно, заме-
тила Оля).

– Да, неприветливый, – повторил Филин. – Видишь ли, жительницы этого городка – дамы
все сплошь чрезвычайно беззаботные, поэтому зачастую, – сказал он это специально громко и
протяжно, от чего Мадам Парфе, до того бормочущая что–то себе под нос, прервалась, – совер-
шают совсем необдуманные поступки. Именно поэтому святой долг нашего птичьего братства
– следить за порядком в таких вот городках.

– Значит, на свете есть и другие такие городки? – удивилась девочка.

– Подгородки! – вступила в разговор Мадам Парфе. – Разумеется, буквально через Цве-
точный луг, что за Жгучей рекой находится ближайший к нам подгородок. Там, кстати, живёт
моя сестра милейшая Мадам Земляничный Зефир! Ох, если бы только она увидела тебя! – но,
не закончив мысль, она осеклась и вновь, потупив взор, замолчала.

– Действительно, – продолжил вместо нее Филин, – таких подгородков многое множе-
ство. И в каждом из них есть свой Старый Филин. Ты просто представь, что было бы, если бы
эти дамы каждый день устраивали бы званые завтраки, обеды, ужины, семинары, совещания
и ещё множество разных собраний и встреч! Вся работа бы встала! И вскоре этот подгородок
пришлось бы закрыть и всех колдуний расселить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.